трах меж собой, так что даже находясь в центре схватки бывало невозможно документально оформить решение Совета. И ведь никто из них в дальнейшем не остался на плаву, не проявил себя. Кроме, пожалуй, пары-тройки таких же непримиримых журналюг; но и те сдулись, потухли, сделались жалкими. В журналистике, чтобы заработать достойное имя следует пахать не меньше, чем в бизнесе, не уставая упорно тащить самого себя за волосы из теплой трясины. «Потерпевшие демократы»… Надо будет пообсуждать тему с Плетневым. Или с Фаскудиновым, тем еще правдорубом. Сергею только заяви тему, тотчас отставит наполненный граненыш и призовет идти пи…ить демократов. Так же на дух не принял странное и мной до конца не понятое политическое сословие в безвременье. Но где он?

2015 г.

ЛЕГКО УМЕРЕТЬ

В. Кулаеву и К°

Помнится, в юности мечталось: будет у меня семья и два сына. Обязательно два сына. И первого я назову Степаном, а другого — Семеном, простыми именами. Но. Случается у женщины раз в месяц некая объективная неприятность, так и на мужика примерно с той же периодичностью что-то находит — путает мысль. При рождении старшего в аккурат и случилось. А потому довеку он никакой не Степан. Зато мой товарищ носил это имя. Совпало так. И, скажу, в подлеце этом творец на зависть другим всего удачно и выигрышно намешал. И плутовства в нем с избытком, как в театральных комедиях положений, знающими людьми обзываемых дурками, и ума нобелевского палата, и руки Левши, блоху подковавшего, мастеровитые, и мудрость завидная, глубинная, шолоховская. Поэтому пусть и нет сына Степана, однако есть вполне реальная модель, с коей хотелось бы лепить моего старшего. Или сожалеть в душе, отмечая, как не удалось сделать сына по примерной модели. С другой стороны — с чего бы отпрыску стремиться соответствовать какой бы то ни было модели, даже условно совершенной?

Понятно, имеются у Степки качества иного рода, рядового свойства, — например, крайняя непрактичность. О нем не скажешь, будто он сорит деньгами, их у него просто нет. Но и скрягой не назовешь: мол, свинью за рупь в пятак поцелует. Нет. А вот на что деньжат действительно не жалеет, так это на медицину. Точнее — на «фельдшериц».

Намедни, двадцать пятого сентября, в субботу, по обыкновению незвано и не ожидаемо, приперся Степка ко мне в пригородное село. Прямиком на озеро, где провожу все свободное время. Неожиданное его появление — не катастрофа, поскольку всегда готов встретить: в садке на краю шнура, натянутого поперек озера, на полувольном содержании пасутся сазаны, караси да сомы. Но и не анастрофа, то бишь внезапный прилив счастья. Этого точно нет. Поскольку не оставляет ощущение — вот ключевая деталь — будто он намеренно является неожиданно, желая перепроверить некоторые свои догадки, о коих мне, разумеется, не докладывает. Будто стремится подловить, прихватить, разоблачить. Допускаю, что я не прав.

Микроавтобус, ежегодно перекрашиваемый в космические цвета с метеоритами (насмерть проржавевшими фрагментами по кузову), где краска принципиально не держится, на моем берегу частый гость. Переживший себя импортный «сарай на колесах» утробно-чернодымно проурчал иссеченной трубой в тот момент, когда мы с соседом заканчивали выяснять отношения на меже. Как всегда, это случается ближе к окончанию сезона рыбалки. Еще нет заберегов, однако вода холодна. И вроде по-крупному жалеть не о чем. Ну, не получился сезон, Василий Петрович, что с того? Через месяц ледостав, впереди скука, месяцы тоски по озеру, так оставь в памяти одни лишь приятные мгновения летних рыбалок и живи эмоциями лучших минут неброского мужского счастья. Нет? Осенняя ипохондрия, тоска, говоришь? Согласен, тоска. Но ведь и щемящее ожидание апрельских оттаек — тоже! Может, просто устал?

— …Я этого не люблю, — в присутствии моего товарища и гостей, — продолжал наезжать сосед. — Я тут ветки на дереве вырезал, чтобы удобней лодку чалить. А ты воткнул свою деревяшку рядом, и она на ветру бьет мою шаланду в борт. А ведь бока лодки весной выкрасил на три раза двумя лучшими красками. Я этого не лю-

блю, — капризничал Василий, упорно повторяя центральную мысль — где именно он не любит и в каком месте ему претит. Впору посочувствовать, но свидетели на берегу, совсем рядом, и, не зная людей, употребить крепкое слово — вроде дурной тон, гости обидятся, ведь не всякое женское сердце готово терпеть матерщину.

В целом соседа уважаю. За верность флагу. За то, что он, хоть часы проверяй, в шесть, двенадцать и восемнадцать здесь, у берега, в лодке гремит цепью, готовясь отвалить на условно чистую воду проверять свои «кубышки». По виду вентири — не вентири, а именно кубышки на прикорме, в кои порой плотно набивается рыба со златой, серебряной и платиновой чешуей. Вывязаны самоловы из прочной суровой нитки наособинку, и, как утверждают, на всю империю единственные в своем роде. Сетчатые чулки снасти, тремя металлическими кольцами насаженные и прихваченные мягкой проволокой к метровым ошкуренным талинам, имеют один узкий заход на полукилограммового карася либо сазана; щука, змееголов, сомик тоже изредка опрометчиво втискиваются в небольшую, объемом литров в пятнадцать, кубышку. На приваду. В кубышке к верхней талине подвешен капроновый мешочек, набитый сухарями соевого либо подсолнечного жмыха, того, что остается после отжима на масло сои либо подсолнечника. Разумеется, хищники охотятся не на жмых, а на тех, кто пришел покормиться у мешочка с приманкой.

Проверив кубышки, Василий переходит к мордушам, в которые за хлебом, как в магазине, собирается озерная мелочь – горчаки, голяны, карасики и сазанчики. Агрессивный сосед забирает всю мелочь, попавшую в сплетенные из алюминиевой проволоки мордуши, не озадачиваясь мыслью честно вернуть протоке молодь промысловых рыб. По этому поводу мы иногда спорим, но без толку. Петрович берет все, что дает протока, здесь и сейчас. Будто мстит водоему за редкие к нему проявления щедрости. Почему редкие? Это отдельный вопрос и не влияет на существо повествования. Впрочем…

Напоследок сосед проверяет натянутые на колья сети, обычно отчаянно закисшие, забитые травой. Словом, рыбе бывает сложно продавить прочную капроновую дель сквозь ряж так, чтобы образовался

карман, в котором рыба будет ждать либо скорой кончины — в горячей воде июня-июля, либо прихода Василия.

Кажется, даже вдруг исчезни в протоке рыба, все равно Петрович не оставит привычку отмечаться тут – в шесть, двенадцать, восемнадцать. Бряцать замком, греметь цепью, стучать уключинами и веслами о борта.

Выработанное правило, гласящее, что человека на седьмом десятке вообще стоит уважать, даже если не особенно просматривается за что, — в целом разумно. Уважать на всякий случай. Вдруг там за душой есть нечто потаенное, укрытое от глаза пытливого, стимулирующее уважение.

Однако в этот раз сосед грубо вывел меня из состояния равновесия, в коем обычно пребываю, неспешно выполняя простую работу, думая о своем, чаще совершенно не связанном с рыбалкой.

— …И что такого? Ну, отпилил пару веток, — картинно взмахнул я крыльями. — Ведь именно на этом месте я добрых пятнадцать лет ставлю лодку! Тут же – помнишь? – первую мою «джонку» спалил какой-то мудрила. Вторую пацаны наказали за дюралевые борта, сдали во вторчермет. И вот эта новая деревянная – третья. И всё здесь, вся жизнь здесь, на виду у людей, не сойти мне с этого места. Не уйду, Петрович! — морщу я лоб, продолжая делать вид, будто не в шутку рассержен. Тот принял всё за чистую монету и атакует с остервенением. Это меня заводит, да еще зритель какой! Продолжаю гнать волну, видя, как действо захватило Степана, стоящего неподалеку на берегу — руки в боки, ухмыляясь в усы. Периферией зрения наблюдаю, как выползли из «сарая» фельдшерицы и их также забрало – одно дело эмоциональная схватка с зарубежным торгашом на вещевом рынке за тряпку или обутки для детей, другое – сшибка мужиков, сидящих в лодках на фоне зарослей рогоза и осоки, с живописным озером на дальнем плане. Им любопытно – что за мужичонка сорока лет спорит с дедком, ведь одной из двух фельдшериц я расписан на день и, возможно, на ночь. Поскольку исходное намерение Степана широко прокламируется, то бишь, живой гостинец историей наших встреч на пленэре естественным образом подразумевается. Другое дело, что расклад обычно не срабатывает, и я перестал ждать.

— …Эдак, Василий Петрович, получается, однажды выметешь вечно грязную площадку в моем подъезде и объявишь мне простодыро-му: слышь, мол, Сергей Иваныч, я тут прибрался, и свидетели имеются, подпишут бумагу, как скажу, так что дергай отсюда?! И жена тебе, Серег, также отныне не принадлежит, мне отошла аналогичным порядком. И это свидетели подпишут…

— …и жену подпишут, если потребуется, — Василий стоит на своем, при свидетелях распаляясь всё больше. Степка — мудрый и легко сумел развести нас по своим уделам, начислив Василию и мне по полстакана с хорошей «городской» закуской. Прямо из руки в руку. Не выходя из лодки, Василий привычно махнул, тотчас подобрел и пообещал принести огородины для ухи, к которой у меня на дне лодки полный комплект: задумчивая крупная пузатая щука, холеричная беспокойная касатка, уравновешенный сомик, пара головастых ротанов, обреченно глядящих черными бусинками глаз, временами без надежды взбрыкивающие карасики, и сазан-поскакун, пару раз чуть не улетевший за борт. Край огорода Василия упирается в протоку. Ушел сосед степенно, слегка покачиваясь, — все-таки возраст, второй-то стопарик был ему лишним. Но обещанного не принес и в этот раз. И не принесет, поскольку я порушил его представление о справедливости и не достоин прощения, а с приезжим мы, выходит, заодно и таким образом претерпеть от Василия обязаны вместе.

Словом, на меже установился крайне зыбкий статус-кво. Это до весны, до первых проталин, когда рыбацкий зуд выгонит нас к протоке. В мае новая сессия – станем делить негласно закрепленные за нами угодья – мой полугектар водного пространства без аншлагов, разделительных полос и огней от берега до берега, с его полугектаром соседствуют. Василий не вернулся, и его не будет вплоть до следующего урочного часа. Мы с гостями собрались присесть к установленному на траве возле уреза воды столу.

— Вы знакомы — Шахерезада! — представил Степка мне уже известную заслуженную свою «фельдшерицу». — А это… — Он легонько толкнул вперед высокую девушку, — Шахерезадочка, — Похоже, Степка больно ущипнул представленную ниже спины, и та, в возмущении взвизгнув, резко махнула рукой, будто желая больнее ударить по

агрессивной коварной руке Степана. Тот не смутился, руку предусмотрительно убрал за спину. — Резвая, Серег. Но вместе с тем — лучший наш специалист по ультразвуковому исследованию. Оч-чень хороший специалист, рекомендую. — При откровенно жлобских жестах Степа демонстрирует кротость, искренность, ни тени фанаберии. «Хороший психолог, хороший артист-нутряк», — отмечаю про себя еще раз.

«…Верунчик, Ларисончик, Ольчик, Гальчик, Натальчик»? Он мог бы взять каталог женских имен всего мира и назвать любое. Всё пустое, я не способен запомнить и обязательно буду путаться. Однажды поймала на этом редкостно умная шахерезада: «Вы, Сергей Иванович, словно боитесь назвать меня по имени. Не пойму: или оттого, что в глазах рябит от биоразнообразия представленных вам очередных Степиных животных, или же элементарно — возрастное». Помнится, я уклончиво ответил про тяжелую форму склероза, не здорово, невпопад, чем рассердил Степана, который на пяток лет старше меня и вроде вправе говорить назидательно: «Ты не способен прочувствовать, замшелый агроном, что именно эта — последняя, судьбинная, на всю жизнь! Запомнить и дружески подыграть!». «Агроном» в его понимании — безнадежный лузер, по статусу ниже совхозного пастуха. Что делать, человек он городской, и я, разумеется, понимаю: все сказанное им — в русле потока сознания. А против его потока не попрешь, коли не глуп. Что ответить? Пусть бы хоть иероглифами на ней написал «до веку», я бы мобилизовал немногое, под коркой засохшее, и догадался. Ведь на самом деле никакой я не агроном. А так… Ну, вижу перед собой очередное милое белокожее лицо. Сколько их было и сколько еще будет! Это ведь на пару недель — до следующей рыбалки. И тогда, неспешно пораскинув агрономьими мозгами, я предложил давать им всем одно имя, известное всякому. Какое? Скажем, Шахерезада. И пожалел. Ибо тотчас на меня обрушился поток, и Степа зачастил:

— А ты в курсе, Серег, что у Шахерезады был прототип?! Думаешь, этим фантастическим, иногда мрачноватым, плутовским сказкам с элементами дидактической тенденции, в которых ни грамма почтения к высшим слоям общества, — две тысячи лет?! Ничего подобного! Пусть бы авторы позволили себе в те дикие времена вольницу. Ну, ты в курсе, агроном: по легенде царь Шахрияр уверовал в порочность сла-

бого пола в результате измены своей жены, посему насиловал и убивал каждую ночь новую девушку. Между тем Шахерезада не только решилась пойти во дворец, но и смогла вернуть сбрендившему на почве ревности царю здравый смысл. На самом деле, согласно последним данным — уже тридцать три диссертации защищены — «Тысяча и одна ночь» — это труды Фатимы, наложницы из гарема Тамерлана, хорошо замаскированные, с проросшими именно тогда ростками демократии. А вообще на Востоке в те времена царили суровые нравы. Что ты хочешь, если в Османской империи каждый вновь провозглашенный правитель первым делом шелковым шнурком душил своих кровных братьев во избежание распрей среди родовы в борьбе за власть.

Все это, напомню, в потоке. Не утруждая себя тем, чтобы перекинуть мостик от темы к теме. Фонтанирует. Подобных ярких историй, транслирующих душевную жизнь, переживания, ассоциации, претендующих на непосредственное воспроизведение ментальной жизни, переслушал я сотни. Впрочем, лишь в редких случаях успеваю за мыслью в потоке, чем Степана раздражаю. Фантастическая память. Мгновенная реакция. И еще много чего. Моя жена никогда не скрывала: «Ни до Степы, ни после не встречала человека, столь быстро думающего. Лечь в койку с таким — счастье, — блаженно закатывала моя дура глаза под лоб. — Истинный бог! Счастьюшко уже только полежать рядом, угодить по полной программе и слушать, слушать… чтобы хоть приблизиться к разгадке — КАК ОН ЭТО ДЕЛАЕТ. Редкостная, необъяснимая магия ума!» — взгляд жены с поволокою. Ну, вот что посоветуете мне делать в сложившейся ситуации, как себя вести? Хоть выслушай ее бред, хоть прибей за простодушную, с элементами похотливости, откровенность – ситуация не изменится. А париться из-за дурехи на киче, в то время как Степка ураганит на живописном берегу, и думать, что моя, восстав из гроба, лежа в «сарае» на надувном матрасе, внимает бредням психопата — крайне сомнительное удовольствие. Остается верить жене. Поскольку она из тех, кои мытью посуды и пола в избе предпочтут чтение любовного романа страниц в семьсот. В сельской библиотеке все прочла на три ряда, записалась в городскую и где-то там пропадает на выходные. Говорит, читает. Почти верю. Поскольку чересчур уж увлеченно излагает прочитанное, уплетая приготовленные мной

макароны, не замечая, каково приготовленное на соль и можно ли его вообще есть. Вот и пригласи такую на берег по приезде Степана, как тот меня подбивает. Где ее потом искать?! Без того имеются некоторые подозрения. Поэтому Степу к семье не подпускаю на выстрел. Ведь жена — увлекающаяся натура. Заблудшая овечка. Заблудившая умом после единственной встречи со Степаном на берегу в компании фельдшериц. Безнадежно влюбилась. Как и фельдшерицы-шахерезады: не желая или, может, не умея оценить и измерить всю глубину и драматичность Степиной натуры.

Впрочем, соглашусь: этот шальной поток его больного сознания свалит любую, размечтавшуюся преодолеть препятствие вброд. Хорошо, если очередные шахерезады попадутся толковые и смогут вставить разумное слово, воспрепятствующее шальному потоку. Тогда с ним можно разговаривать как с нормальным. Но обычно бывает иначе: сидя за столом у водного уреза и дымящего костра, малахольные раскрывают рты, ловят каждое слово, ждут главное и боятся пропустить, забывая, для чего взяли в руки ложки, поскольку обязательно проверит — как дошло. Обязательно проверит. Проштрафившуюся всю ночь будет подвергать пыткам, заставляя включать фантазию на полную. Придя утром на берег, я не однажды наблюдал, насколько глубоко бедняги погружались в тему. Но в этот раз попалась толковая, не откладывая, предприняла попытку выставить на струе преграду: вбила колья, сплела из лозы загородку:

— В древности рабы, чтобы легко умереть, прервать мучения, кусали себе языки и гибли от болевого шока. Впрочем, такую смерть нельзя назвать легкой, — не столько пребывая в праздной эйфории от счастья быть рядом со Степаном, сколько элементарно желая спокойно отдохнуть на пленэре, без брехни и умничания — этого и в городе в избытке — сверхновая шахерезада, та, что «моя», в задумчивости расчесывает искусанные комарьем ноги ниже колена. Записной оппонент тотчас подхватил тему неволи:

— Ты считаешь — я раб своего языка! — воскликнул Степан и, мстя, обрушился пятиминутной тирадой о рабстве, что выказывало крайнюю форму внутреннего диалога, в коем объективные связи с реальной средой весьма трудно восстановимы. Это Степан. Мелет взах-

леб. Все бы ничего. Но от его трепа быстро устаешь. «Сверхновая» не сдалась и выразилась иронично в том духе, что де скорее утонешь, сбитая с ног потоком, так и не отведав знаменитой ухи Сергея Ивановича, чем дождешься, когда Петр Маркович закончит изливаться, — глазами искала поддержки у меня Шахерезада.

Насчет ухи я — пас, поскольку порядок установлен давно, и, согласно ему, бока карасям должен скрести Степан. А тот не готов. Он еще не победил.

Кормчего зацепила тема легкой смерти. И он увел нас троих в такие дебри, что я стал чуточку тревожиться, когда он вдруг заключил:

— А я не против — легко умереть… — посмотрел маньяк на меня. Мы, трое внимательных слушателей и осторожных оппонентов, переглянулись.

Решаюсь грубо остановить поток, встаю со складного стульчика, беру Степу за локоть и отвожу в сторонку, тогда как девчонки принялись разгружать имущество. Я хочу расспросить его про ту, которую он привозил в предыдущий раз. Шикарная была женщина! И мне показалось, она задержится рыбалки на три-четыре. Ан нет, за что-то уволил прохиндей.

— А как же прежняя? — делаю физиономию наивной и кроткой, в точности, как бывает у Степана, когда представляет очередную. — Ты, помнится, клялся, что до доски…

— До доски! — округляет Степа карие глаза и нервно чешет пятерней лобешник. — Я от своих слов не отказываюсь. Просто в тот момент мне так казалось. Я искренне верил. Что ты морщишься? Чтоб я сдох здесь и сейчас, если не верил! — в раздражении маньяк вырвал руку, поправил сползшие спортивные брюки на слабой резинке — он вообще казался неухоженным — и приготовился продолжить. — Понимаешь, у Ирки, конечно, баллистика потрясающая, — на четыре тона понизив громкость, шипел змей. — Но тебе, агроном, из твоего подвала все равно не рассмотреть, не понять, а мне не объяснить. Нет таких слов! Колхоз дремучий. Там все замечательно было, пока не стали появляться претензии. Такие… — Степан покрутил-повертел раскрытой пятерней, — вроде мелких грызунов. — Рассказчик приложил руку к сердцу, будто неожиданно кольнуло и следовало переждать резкую

боль. — Знаешь, появилась крыса из норы и бежит вдоль плинтуса, останавливается, смотрит на тебя черными бусинками, и такое ощущение, что она про тебя знает больше, чем сам ты знаешь про себя. Потому из доктора высшей категории она в неделю превратилась в рядовую ночную дежурную. Ради профилактики. Вот сейчас я с этими здесь, а она — я ведь всё вижу — ходит чернее тучи, не по делу строжит медсестер на дежурстве и огрызается на всхлипы мужа по телефону, ежечасно проверяющего — как и с кем она. Я все вижу, Серега! — товарищ ткнул меня пальцем в районе пояса, и я чуть не сложился вдвое, столь получилось неожиданно. За ним ни в чем не поспеть. Ну, как с таким дружить?!

— …Но я вижу, ощущаю благотворность действия моей методы, — не спешит закончить делиться шкурными соображениями Степан. — Иногда, знаешь, психология перебивает плотские достижения. Психология, агроном, это… — Степа глянул на меня, будто желая проверить, какова реакция. Увиденное его не удовлетворило. — Ты вот смотришь на меня, как на дурака. Да, я дурак. Нет… — вспыхнул Степан, забегали глубоко упакованные за синайским разрезом глазенки, дернулся кадык, он вернулся в поток, а я невольно выставил вперед руку с раскрытой и обращенной к нему ладонью, защищаясь и мечтая остановить. — Хорошо, Серег, пусть я дурак. Но дурак особой категории, — поднял Степа вверх палец. — Умные ведь учатся на чужих ошибках, дураки — на своих. Я учусь на своих, но делаю глубокие выводы. Ну, очень глубокие. Словом, я полудурок.

Заслуженная шахерезада, подслушав финал разговора, победно вскинула голову и транслировала в мой адрес немое сообщение — не вам де, уважаемый агроном или как вас там еще, тягаться со Степаном Марковичем.

Я и сам понимаю — не мне.

Ощутив поддержку, Степка еще раз, сочувствуя, оценивающе и критично оглядел меня с ног до головы. Действительно, видок тот еще: сапоги в иле, рыбьей чешуе и траве, замусоленная верхняя одежда – штаны из болоньи, заправленные в сапоги, и куртка из того же материала, с капюшоном — мокрые и нечистые, на голове кепка не кепка, а черт те что, выцветшее и потерявшее первоначальную форму. Сло-

вом, «агроном». И ни намека на нормальный, хоть сколь-нибудь конкурентный контрпоток сознания — долго соображаю, не умею легко оформить мысль. У меня и вузовские преподаватели были не лучше, тоже звезд с неба не хватали, обычные средние человеки. Какой там, к херам, поток: сплошь все из хацапетовок, куда радио провели только в прошлом году.

— Да-а… — заключил я, привыкший к унижению, ничуть не задетый, не раненый, не завидуя, а лишь чуточку мстя очередному явлению из Персии, то ли Фатиме, то ли Шахерезаде. — Путёвые любовники, Степа, с наложницами рассчитываются шубами, джипами, квартирами, а ты — рыбалочкой, где уху сварганит специалист упавшего на колени хозяйства.

— Но ведь не байдарочным же походом… — немедля парировал Степка. — У меня в сарае и матрасик ортопедический, и магнитолка, и телечек с порнокино. Это тебе не провонявшая, обструханная героями-любовниками дешевая гостиничка, или баня, а природа с городскими удобствами, не считая клозета в кочкарнике. И потом, посмотри, Серег, как четко на моей коломбине работают стеклоподъемники. Куда там конструкторам «Тойоты»! И всё — вот этими руками… — Степа продемонстрировал ухоженные руки много практикующего доктора, сейчас по локоть торчащие из камуфляжной куртки. Отчаянно худ. «Как только самого его тот поток никуда не унесет?» — спрашиваю себя. Разразится тирадой, не умея остановиться и закончить, а самого шатает от перенапряжения. «Каким образом, каким таким ресурсом можно по уши влюбить в себя табуны на первый взгляд приличных девчонок? Руки-крюки, куртка по вороту расстегнута, обнажив густо заросшую, с выпирающими ключицами грудь и длинную тонкую шею…» — задаю себе вопрос, понимая, что ответа на него не получу никогда.

Видя, как шустро собираются в стаи тучки, оставив девчонок на хозяйстве собирать добро обратно в машину, мы поспешили выбросить сетенки. Степан при совместной постановке сетей обычно взирает на действо рыбьими глазами. Толку с него немного. Однако неизменно участвует, поскольку это де укрепляет его имидж в глазах и умах девчонок. Подставив борт ветру, помаленьку сплываю, в тревоге

поглядывая на небо, кое-как сбросил сети. Получилось не очень здорово: местами сеть натянулась, будто кожа на бубне, и я подумал: при такой постановке добра ждать не приходится. Но ведь не за рыбой же приехал сюда Степан. Это лишь часть ритуала.

Но получилось без приключений. Шагнув из лодки на берег, я незлобиво заключил:

— Когда я топлю сетенки с твоим участием, выхожу из лодки смертельно оскорбленным — такая бездарь, такая бездарь…

— Ну, не при даме же… — зашипел Степан. — Думаешь, я этого банального тощего карася в городе не могу купить? Хоть центнер! Важно создать ауру. Как не показать девчонке, что я не только секс-тренер, но и добытчик, хозяин?! Потом уже она поймет, что у меня масса и других достоинств. А времени не так много, чтобы дать понять — мы с ней родственные души. Учись, агроном, иначе так с одной и проживешь.

— Сценарий больно уж прокисший, тухлый сценарий.

— А зачем менять? В путних театрах пьесы играют, пока аншлаг. А у меня, как видишь, всегда аншлаг. Э-э-эх, дурачина! Ты будто затурканный на почве культа поповский сынок. Жизнь проходит, а человек, он — что? Он — словно яичная скорлупа: тюк его обстоятельства по башке — и нет человечка. ТАМ будем сидеть на лавочке дурни дурнями и вспоминать, кто чего на земле достиг, пока тапки не откинул. Ты вот чего вспомнишь? Как навоз кидал?! Или как высев в сошниках сеялки выставлял, а взошло — рядки вкривь и вкось. Согласен, тоже достойное занятие. А я неудачный получился, недоношенный, — в потоке сознания продолжает Степан. — У бати на момент зачатия в аккурат случился запой. Рахитом вышел на свет божий. Вот и лечусь, горбенький да чахлый, ногу тяну, кашляю, сморкаюсь. К девушке на полутора ногах — шкряб-шкряб-шкряб: возьми меня, сердешная, каков есть. Она пожалеет, прижмет к груди, и вот уже вместе едем в микроавтобусе на озеро, — ухмыльнулся Степан, демонстративно задрал куртку и почесал чудовищно заросший, обезьяний живот. — Случается, трагично все ломается, — посерьезнел Степан, — но ведь дело наше лечебное.

«Дело наше лечебное…» — стал я рассуждать, неспешно собирая мешки, в которых находились сети до постановки в протоку. «Дело

наше лечебное…» Не произнесенные вслух фразы будто подслушала «моя» и встряла, вступила, словно доярочка в коровью лепешку:

— Кто из вас лечится? У меня подруга — фармацевт. Если что надо, говорите, не стесняясь. У нее в аптеке только вчера было крупное поступление товара.

«Мысль человека материальна и имеет огромную силу», — делаю попытку хоть как-то развивать свою мысль, не споря и не отвечая шахерезаде. Молча. Поскольку — скажи вслух – вскинется Степа, и вымокнешь до дождя — слюной избрызгает. Лучше не умничать.

— Вижу, у вас с моим товарищем полное взаимопонимание. Я-то думал — невинные души гибнут на глазах, выручай, Серега. Ну а коли так, могу спокойно идти двигать коровье добро в сарае. Самому мне успокаиваться рано: еще работать над собой и работать.

Я отправился хозяйствовать, пообещав вернуться и натрясти из сетей на обязательные фирменные Степкины «сазаны в сметане» с пузырящейся корочкой. Абсолютно уверен, что это у меня получится, поскольку про мой маленький секрет товарищ знает: щедрая кормилица, металлическая кубышка, в которой хранятся сазаны и прочая рыба, собранная к приезду Степана за три дня.

Вечером я не пришел: «Сенеке с шахерезадами и без меня хорошо», — решил я. Явился утром, еще в сумерках. Светало осторожно, поскольку дождь отчаянно хлестал всю ночь. При этом тучки вновь бойко собираются в шухерную бригаду. Это предвещало, и я уже хотел повернуть к дому с тем, чтобы прийти позднее. Но передумал и в нерешительности поскребся, легонько отбил костяшками пальцев дробь в ворота сарая. Степка не отозвался. Вроде есть некая движуха тел, сарай ходуном, но дверь не подалась. Поскребся еще. Лишь помятая мордаха «моей» подружки угадывалась за запотевшим стеклом. Она близоруко всмотрелась, приблизив лицо к стеклу вплотную, так что нос сплющился: что там за наглец? Следом с той же позиции глянул и Степа, тут же посунулась отчаянно деформированная, так что рихтовке не поддается, дверь. Уронил на траву одну босую ногу, другую, будто осторожно прикидывал, пробовал — твердо ли? Осторожно перенес тело на ноги и встал. Первая моя мысль: «Во, мля, уработался брехун». Степан неспешно оделся. Оглядел себя

глазами за припухшими складками, и только тут мы впервые встретились взглядами. «Что вы сделали с моим товарищем всего за одну ночь?» — хотелось мне сурово спросить этих двух шлындр. Однако слова не потребовались. Одна из них, высунув наружу взлохмоченную голову, огляделась, осмотрела жертву и вступила:

— Товарищ как товарищ. Ничего себе товарищ, — и исчезла в чреве «коломбины». Степа посунул дверь, чтобы девчонки могли продышаться в оставленные им сантиметры, для связи с природой. Сели в лодку. «Только не надо слов, — просили усталые глаза товарища на кислой, отчаянно помятой, физиономии. — Хотя бы час, полчаса, десять минут, пожалуйста, побудь немым. Выпито, сказано, сделано и так слишком много». Я мысленно посочувствовал. Настолько мысленно, что жестом пятерни дал понять: выметайся, справлюсь сам. Он не согласился, выставив ладонь так, будто нижайше просил остаться. Мне подумалось: проветриться и размяться ему не будет лишним, пусть и девчонки проветрят сарай, там кто-то окаянный напрочь спер воздух. И мы отвалили от берега.

Рыбы в кубышках немного. Однако редкие караси все как на подбор — гренадеры. Проверив кубышки, подошли к снасти на самом конце шнура, в которой у меня всегда есть. Поднимаю садок, сработанный из металлической сетки, представляющий собой бочку литров на сто. Еще на подъеме шнур, за который я тянул садок из купели, заходил, задергался в руке, заволновался, а оставленные в нем сазаны, собранные за два-три дня, те самые, обреченные на «пузырящуюся корочку», как заказывал Степан, стали метаться в пространстве, огороженном металлической сеткой; когда бочка достигла поверхности, Степан непроизвольно охнул. Однако ничего оригинального сказать не мог или не захотел. Не было рядом благодарных слушателей.

— Думал, в вашей луже ничего не осталось, коли Василий весь подрост извел.

— Осталось, — успокоил я Степана. — В этой кубышке для товарища у меня всегда есть, — довольный произведенным эффектом, вываливаю из открытой дверцы крупных рыб на деревянный пол лодки, покачивающейся посередине протоки на небольших волнах. Закрыл калитку, бросил садок в воду, оставив несколько рыбин попастись еще.

Но тут случилось нечто, с трудом описуемое. Разверзлись небеса. Такого ливня я не могу припомнить. За следующую минуту лодку залило водой наполовину. Я поспешил перебраться к кольям, мечтая выбрать рыбу из сетей, медленно двигался к середине протоки. К сожалению, не привык я бояться чего-либо, кроме атомной бомбардировки и болезни близких, потому и не пришло в голову, что со мной из-за местной, обычно предсказуемой, стихии что-то может случиться. Я кивнул Степану: возьми де пластиковую банку и вычерпай воду, иначе вымокнешь до нитки. В любую погоду, пусть хоть сколько штормит, сажусь в лодку, чтобы поставить, проверить или убрать снасти. В точности, как и мои соседи. Пришел на берег — садись в лодку. С годами выработался стереотип. Случается, думая о своем, идя по иным делам, на автопилоте набредаешь на утоптанный пятачок берега с привязанной к дереву лодкой, хотя, может, и не собирался этого делать, и — как бандерлог под гипнозом — садишься в посудину, выгребаешь к снастям. Болезнь. Хроническая.

Физически я пока еще в порядке. Иногда проверяю себя: бассейн на задержке дыхания перенериваю два раза; могу неспешно проплыть несколько километров; в футбол играю за колхозную команду и даже бегаю при этом, как мне самому представляется. Правда, тело потеряло былую обтекаемость, порушены некоторые качества и эта, черт ее задери, баллистика. По теории Степана. Все равно в свои сорок ощущаю себя лучше, чем когда-либо, и скромно горжусь. Тут, впрочем, по соседству пару лет назад утонул один из рыбаков. Но то трагический случай: мужик у берега запутался в ставной сети, соседи хорошо слышали крики о помощи, да подумали — человек шутит. Он вообще был громкий товарищ, юморной, любивший подначить, с командирской глоткой, прокуренной, промытой до белизны антисептиками. Василий, сосед по территории, не сокрушаясь и не переживая, помнится, насчет трагедии оригинально рассуждал: «Слов нет, мол, жалко Егорыча. Но! Во-первых, конкурентом меньше, во-вторых, теперь, выходит, дань протоке заплатили, следующего утопленника жди лет через двадцать. Нормальный ход», — заключил он.

…Тем временем, наполнившись водой, деревянная четырехметровая лодка, забыв про свои исключительные плавучие качества, медленно

вместе с нами уходила под воду. Вот уже борта на уровне поверхности воды в протоке, а вот и ниже уровня. Мы заволновались, засуетились, лодку тотчас захватила турбулентность, она стала крутиться под ногами. Притихшие было рыбы, переставшие метаться между сидениями гребца и пассажира в пространстве от борта к борту и бестолково в отчаянье бить хвостами по дну, прикинув, что обстановка улучшилась и появился шанс, принялись медленно, будто с оглядкой, покидать лодку. Я еще пытался поочередно поворачивать их нахальные морды обратно, но беглянки вышли из-под контроля. Направив на меня черные точки глаз, крупные рыбы как бы говорили: слышь, братан, сегодня, похоже, не твой день. Мы, пожалуй, еще поплаваем на глубине, поищем мелкую живность, пороемся в иле. Так что сазана с «кипящей корочкой» Степка подождет до следующего раза, а ваши беспонтовые шлындры вообще перебьются.

Случилось всё быстро. Степка, по пояс в воде, угрюмо держался за весла и, глядя на меня, как бы говорил: — Вечно у тебя какие-то проблемы. Давай, Серег, исправь все живее — холодно, все-таки не июль на дворе. — Товарищ продолжал тупо держаться за весла, должно, с утра агрономическими не разогретыми, не готовыми к фланированию мысли, а мозгами рассуждая, что коли он вот так, инфантильно, держится за весла, то все сойдет ему с рук. Возможно. Никакого чувства с моей стороны не было – ни эгоизма, ни альтруизма. Мы тонули, и всё тут. Это как смерть: при жизни каждый о ней думает, но когда она приходит – никто не знает, как себя вести. «Степа хотел легкой смерти. Он ее получит», — мелькнула дурацкая мысль. И, как был — в водонепроницаемом химзащитном, аккуратно забуклеченном плаще и в болотниках — я ушел в сторону от лодки, просто уронив тело, чтобы не мешать разобраться в ситуации товарищу.

Энергично сколько-то отмахав саженками к берегу, отплевываясь, я обернулся и крикнул, призвав Степу следовать за мной. Но тут руками и ногой влез в свою сеть и на нерве принялся бороться, желая скорее освободиться. В этом месте протока не сильно глубока для успешной рыбалки, однако достаточно глубока, чтобы утонуть. Поэтому, слегка паникуя, я все-таки прикинул, что смогу выгрести к берегу, даже если соберу на себя часть сети. «Или не смогу?» — мелькнула совсем лиш-

няя мысль. Она пришла не случайно. Я ведь и ныряю, как Ихтиандр, и плаваю на большие расстояния, и в футбол играю, и даже бегаю при этом, как мне представляется… Но только почему так быстро навалилась усталость, ведь я не проплыл еще и полусотни метров?

Сколько-то времени я вообще не видел, как позади барахтается Степан, поскольку боролся исключительно за себя. Сеть не отпускала. Пытаюсь стать на дно — пока глубоко, вот если бы подгрести в сторону берега еще десяток метров — там уверенно можно встать. Пытаюсь выдрать руки и ноги из тонкой паутины жилковой сети и намотавшихся на ноги водорослей. Не отпускают. Пятисекундный отдых, чтобы собраться с силами и вновь, ругаясь в голос, выдираю конечности из сети, как пять минут назад выдирал из дели и ряжа карасей — с соплями, чешуей и кровью, порвав жилкой пальцы. Без успеха. «Вот так и Егорыч бился: ори не ори, на помощь не придут. Надо самому». Появилась кровь, она обильно окрашивает воду: когда рвал жилку, водяной орех и тонкая леса рвали мне кожу. Спасение пришло неожиданно. Наполнившись водой, сапоги — пока дергал конечностями, пытаясь держаться на поверхности — наполовину соскользнули. Я сумел их сбросить, стало легче держаться на воде, а освободиться из сети проще. Выдрав руку из жилки, медленно, осторожными гребками ушел от сети, лишь бы ногой вновь в ряжи не залезть. Странное дело: сил не осталось. Совсем. «Паника сожрала», — мелькнула не вполне трезвая мысль. Я настолько устал, что в голове всё пространство занял липкий туман, и поверх еще устроилось безразличие, словно бы ставка была — пара драных кирзачей, а не моя собственная жизнь, которая еще только на разгоне. На морально-волевых, «засыпая», выбираю расстояние до берега, продирая дорожку в зарослях водяного ореха, уже цепляю коленями и подошвами дно, но не могу заставить себя поверить, что это именно спасительное дно. «… Легко умереть?» Кажется, стоит мне встать, как мутнеющее сознание кувыркнет опять в воду, хлебну пару раз и уже точно не справлюсь. Здесь, на полутораметровой глубине, и усну. Нет, не могу дать шанс старухе, из последних сил вытребаю к берегу. Когда преодолел последние тридцать метров до густо обросших кочек, не осталось

сил даже на то, чтобы пробраться через заросли осоки на твердое. Упал лицом в ил, лишь бы голова на поверхности.

Дождь прекратился так же внезапно, как начался. Затуманило. И Степана видно в молоке едва-едва — только в разрывах пелены. Товарищ удерживался за выступы и угловатости корпуса перевернутой лодки. Только сейчас я смог оценить, сколь здорово загудронил днище. Оно, несмотря на то, что лодка все время в работе и зачастую шаркает у глинистого берега, осталось безупречным. Смог ли оценить это Степа? Во всяком случае руки его по днищу скользили, и ему не удавалось зацепиться уверенно, надежно. Сил, похоже, не оставалось, Степан перестал бороться и молча тонул.

— Ты долго еще собираешься заниматься самоудовлетворением?! — стараясь выглядеть уверенней и, может, хоть как-то успокоить товарища, прохрипел я, едва подняв голову с кочки. — Плыви сюда!

— Не буду, — странно и тревожно ответил Степа. Очевидно, у него не осталось сил даже на общение на расстоянии.

— Степа, греби сюда! Мне некогда ждать, когда проснешься. На летучку надо. — В ответ молчание. Отчаянность ситуации подчеркивало то обстоятельство, что мне не достанет сил преодолеть расстояние до лодки. Может, минут через десять. Но сейчас десять минут — это вечность.

Загремел цепью Василий. Значит, шесть часов. Вода хорошо передала звуки, словно бы сосед шумнул в двадцати шагах, а не в двухстах метрах наискосок. Вот он уже оттолкнулся от берега и уронил весла на воду. Это слышно хорошо. Легкий ветерок ерошит поверхность воды и гоняет туман, но соседа пока не видно. Пелена.

Видя, что Петрович не спешит на помощь, желая хоть словом поддержать товарища, кричу совсем уж глупое:

— Степа, ты толковый малый, умный, так прикинь: шахерезады отойдут завистливым коллегам, брату достанется «сарай», а квартира — твоей бывшей. Ирина приведет на двухспалку завотделением. Подумай, стоит ли им всем давать шанс. Такого ли развития событий ты вожделел?

Степан заговорил, звуки глухие, слов не разобрать. Я крикнул, в надежде на добрую волю конкурента:

— Василий, тут у меня товарищ болтается посреди протоки. Выручи! — В ответ ни звука, только мерный скрип весел на уключинах в непроглядном тумане. «Все еще не простил… морда кержацкая». И тогда, стянув с себя мокрую одежду, я поплыл к лодке в чем мать родила. Не успею, так хоть совесть будет чиста. Пока плыл, пришла предательская мысль: если придется поднимать Степу со дна, не смогу нырнуть, поскольку боюсь теперь проклятой глубины, которая меня самого только что чуть было не забрала. Подплыв к перевернутой лодке, попытался рукой поддержать терпящего бедствие на поверхности, пока не привелось заглянуть ему в глаза. Это были совершенно трезвые, без тени страха или испуга глаза ничуть не пристукнутого обстоятельствами человека. Я даже вспылил:

— Слышь, зараза, плыви к берегу! Товарищ нагишом из последних сил гребет, чтобы выручить, а он…

— А я не просил. Я, может, только-только водой опохмелился, жизнь, может, в лучшем ее проявлении прочувствовал, — отплевываясь делится соображениями товарищ. — Чуешь, Серег, я и думать-то начал иначе, ярче и четче, что ли. Вот я хочу тебе рассказать… Не надо? — не скрывая разочарования, Степан внимательно и долго смотрел мне в глаза. — Мне такая необычная, сравнимая с озарением, мысль пришла, а ты явился и все испортил. И вообще, может, мне хотелось проверить тебя: не с гнильцой ли, способен ли бросить друга в час хэ. Помнишь, как Маслова в «Воскресении»? «Когда тебя предают, это все равно, что руку сломали. Простить можно, но вот обнять уже не получится…» Между тем, было видно, что озарение Степана не грело и он нешуточно замерзал. В этот момент в борт исполнившей оверкиль тихонько ткнулась носом лодка Василия. Сосед в своем духе: брови сдвинуты к переносице, губа отклячена, в зубах самокрутка из газеты.

— Понажрутся, а потом дуреют, голышом плавают! Я вот в партком или в сельсовет маляву накатаю. Все как есть доложу, — тем же тоном, что накануне при разборках на меже, Василий выговорил мне, как старшему по команде, в холодной позднесентябрьской воде. Степку пробрал холод, и он уже меньше гордится собой, и с потоком сознания задержка, и философствовать не готов. Подтолкнув сзади, помогаю товарищу взобраться на корму лодки Петровича. А сам плыву

к берегу, сумасшедше колотя руками по воде, вроде греясь. Настроение несколько улучшилось, но холод и мне тоже не брат. Остро хочу доплыть раньше, чем мышцы скует судорога.

Натягиваю мокрую одежду, прошу соседа подбросить на родной берег. В обход — далеко. Поиздевался, но выручил. Сажусь, подпрыгиваю на баночке — так колотит холод. Бежим с товарищем ко мне домой за сухой одеждой. Возвращаемся, вместе с «моей» забираем с полувольного выпаса оставшихся крупных рыб, и Степа на костре готовит сазанов в сметане с кипящей корочкой. Программу никто не отменял, «фельдшериц» следует отблагодарить, и про имидж не забыть: молва — услужливая и верная подруга прохиндея: ведь будут новые времена, будут новые фельдшерицы.

…Сидели на низких стульчиках за раскладным столиком у коломбины, устало в очередь со Степой тыкали вилками в кружки телячьей колбасы. Девчонки восхищались блюдом из приготовленной на сырых дровах рыбы с дымком и прилипшим мелкими угольками. Степа отвечал не бойко: в этот раз юморить про сазанов в сметане был не расположен. Кутаясь в мои вещи, выпадал из них, никак не находил положения, при котором стало бы теплее. Изредка обменивались взглядами, было непонятно, как теперь вести себя, как сосуществовать. «Приедет через неделю — все будет ясно», — рассуждал я, букетом из веточек лозы гоняя комаров, вылетевших после дождичка на кормежку.

Не приехал. Умер через два месяца. Нет, не простуда, не ее рецидив, не воспаление — ничего такого. Банально. Сердце.

Я приехал проводить. Стою, смотрю. Лежит смирно. И нет ощущения, что вот сейчас проснется, отряхнет сон, как малую печаль, подкинется и стремительно стартует, окунувшись в мутный поток сознания с головой. Отговорился.

Мы стояли у изголовья рядом с Натальей, той самой «моей», последней из крещенных протокой и любовью странного, так до конца и не понятого мной человека. На простой вопрос — о чем Степа говорил, когда ехали с рыбалки, ответила не сразу. Будто не хотела делиться сокровенным, не была уполномочена или не была расположена. Так сильно любила, дуреха? Рядом стояли официальная бывшая Степана, его дети и все-все его бывшие, неофициальные.

Я принимал их в разное время на берегу, играя крохотную, почти незаметную роль в духе «чего изволите». И вот теперь рассматривал — каждую в отдельности и в группе, будто манипулируя объективом зеркального фотоаппарата — приблизил, отдалил. На церемонию пришел рановато, образовалось много времени. И я смотрел. Не оставляла неловкость, однако любопытство превозмогало. Такой странный ареопаг. Такие разные персоны.

Потом Наталья собралась с мыслями и поделилась — ровно в момент, когда персонал взял на руки домовину и двинул к выходу: — Ничего такого Степа не говорил. Был смертельно уставший. Хотя уже при подъезде к городу бросил для меня не совсем понятное. Я много думала над его словами. «Наверно, говорит, это мой последний приезд в Хацапетовку. Он, слышь, за вечер и утром до обеда двенадцать раз назвал меня товарищем и ни разу — другом. Он тоже ненавидит меня». Странная такая получилась фраза. Потерянная полуулыбка обреченного. Вот так отдохнул. Мы с Ленкой всю ночь просили его уняться. Можно ведь и в городе догнаться. Да куда там. Будто в последний раз, — натирая мокрым платком глаза до красноты, Наталья сделала шаг в сторону.

Я подумал: не хотелось ей больше делить горе именно со мной.

Идя в голове процессии, следом за родственниками, вспоминал, как познакомились. Урологическое отделение муниципальной больнички. Беднейший интерьер. Насмерть застиранное белье. Затурканный персонал. Лютый учет медикаментов. Древний аппарат ДЛТ. Лежу в ванне, до краев наполненной теплой водой. Спеленали по рукам, потребовали провиснуть в пояснице и расслабиться. Провис. Расслабился. Показалось, будто провис недостаточно. Провис больше. Жду, когда похвалят. Реакции со стороны персонала никакой. Ожидают прихода неко его Степана Марковича. Вроде первый рабочий день после отпуска. По легкому оживлению сестер понимаю: по крайней мере, на территории больницы ожидаемый Маркович появился. Провис еще. Он вошел стремительно. Бегло читнул мою историю. Как показалось, столь же рассеянно выслушал доклад специалиста про мои камни в почке и про две неудачные попытки разбить их ультразвуком. Спросил анестезиолога о препарате. Сначала возразил. Но тут же нервно махнул рукой:

мол, для «агронома» и так сойдет. Холодной ладонью коснулся тела, поискал вены на левой руке, помассировал. Не обнаружил. Зашел справа, и вены нашлись. Двумя уколами сам ввел препарат. Вскоре мне стало безразлично, сколь удачно провис для очередной экзекуции. Однако всё вижу и всё слышу. За стеклянной перегородкой — Степан Маркович, лечащий врач и анестезиолог. Шевелю пальцами ног, желая понять, насколько я сам у себя под контролем.

Первое общение с Марковичем: сделал замечание, чтобы не дергался и не менял позы. «Я только что прицелился в твой булыжник». В третий раз слушаю лязгающие звуки стрельбы по камням в почке. Будто космическая одиссея: звуки ненашенские, не земные. Физическое их воздействие ощутимо едва-едва. Но ощутимо. В третий раз за месяц подумалось: если хреново прицелятся и не попадут по родным камням чертовы проспиртованные маньяки в белых колпаках, то по каким органам попадут? Полчаса — и звуки экзекуции стихли. Сестра вынула пробку, вода в минуту ушла. Надо вставать.

Второе общение со Степаном: «Все нормально?» — дежурно спросил доктор. Покинув укрытие, он стремительно шел, сопровождаемый шуршанием отчаянно накрахмаленного халата, мимо меня — распростертого и провисшего в пустой ванне из нержавейки.

— Если, действительно, все нормально, док, можешь в любое время приезжать ко мне на протоку, хоть один, хоть с фельдшерицами; надоело мне тут. Да и кубышки не заряжены.

Степа на секунду задержался, ухватившись за край ванны. Короткий оценивающий взгляд. И в мгновение исчез, будто призрак.

Следующее и другие общения в длинном однообразном шальном ряду были на протоке.

Остро хочется, чтобы хоть ТАМ он был нормально и комфортно устроен. Чтобы его искренне любили. Его голова в метре от меня.

«Все нормально?» — вырвался нечаянный всхлип из груди, заставивший обернуться всех ближних ко мне в длинной процессии. Странно. Показалось: в ответ он улыбнулся. Резко останавливаюсь, не способный сделать даже шаг. Провожающие Степана в последний путь медленно двинули мимо к автобусам. Через пару минут площадка опустела. Пришла мысль: «В двенадцать кубышки не заряжал».

В нарастающем волнении стал высматривать, как удобнее перейти дорогу с чудовищным ледяным накатом, чтобы скорее добраться до автобусной остановки. Вдоль тротуара с лотков торгуют яркими игрушками. У длинного забора расположился мужик в красном колпаке, навязчиво предлагающий вечнозеленые деревья радости для праздника, который придет лишь через месяц… Какие кубышки?!

2013 г.

СТАРИК И ГОРЕ

«Стойбенные эвенки — правильные, настоящие эвенки», — считает Захар. Поэтому, как настоящий, он в поселке больше месяца не задерживается. Его будто кто гонит: «Без тайга и водка не кусный» — разоблачил он поселковую жизнь и умотал в стойбище.

Конечно, в поселке коммерческий ларек круглосуточно работает, а днем еще и два магазина. Здесь свет по проводам и телевизор. Даже баня есть, а Захар не против бани. Иные из эвенков, кто похозяйственнее, огороды завели, а некоторые и теплицы. Машины имеют, «Бураны», почитай, у каждого — ночью в ларек ездить сподручно. Словом, от жизни стараются не отставать. Поэтому в тайге бывают лишь наскоками — пропала надобность безвылазно там куковать. А нынче соболек шел неважно, так старики, ровесники Захара, в тайгу и не ходили. Однако — что, по мнению Захара, для эвенка самое позорное — они теперь без капусты, свеклы да картошки и жить-то не могут. В общем, с избытком хапнули цивилизации, жалко их. Неправильно живут, считает Захар, плохо. Они и медвежатину теперь варят до такой степени зло, что мясо от костей отстает. Опять же никакого скусу.

— Зачем портить мясо? — всякий раз возмущается старик.

— А затем, что от недоваренной медвежатины бывает трихинелез! — нервничая, поучает Захара младший сын Борис, прозвище которому Горе. — По этой самой причине, слышь, старый, прежде эвенки вымирали стойбищами.